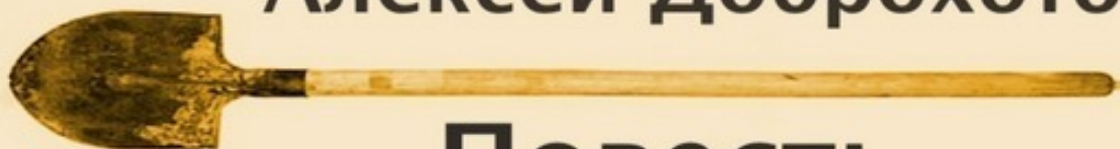

Алексей Доброхотов

Повесть

о

Шести Сотках

Алексей Доброхотов
Повесть о Шести Сотках

«Издательские решения»

Доброхотов А.

Повесть о Шести Сотках / А. Доброхотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747850-6

«Повесть о шести сотках» — драматическое переплетение человеческих судеб в «перестроечное» время. Как и все произведения А. Доброхотова, повесть отличается захватывающий сюжет с неожиданными поворотами. Трагическое переплетение судеб персонажей и череда испытаний, через которые они проходят, рисуют картину непростого времени, непростого для всех — и тех, кто видит в нем возможности, и тех, для кого оно — конец всего ценного и значимого.

ISBN 978-5-44-747850-6

© Доброхотов А.
© Издательские решения

Содержание

Первая сотка	6
Вторая сотка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Повесть о Шести Сотках

Алексей Доброхотов

*Моему другу и первому читателю
Степанищеву С. В. посвящается.*

© Алексей Доброхотов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая сотка

Солнце уже коснулось горизонта, когда Тимофей Иванович добрался до своих шести соток. Приткнул к стене дома тележку с газовым баллоном, неторопливо скинул на крыльцо обтрепанный рюкзак, оттягивающий спину, устало опустил на истертые годами деревянные ступени, прогретые за день июльским солнцем, широкой ладонью стер с лица крупный пот и вздохнул полной грудью напоенный ароматами сада теплый, вечерний воздух.

Дошел. Вернулся. Дома...

Минута, другая и дорожная усталость нехотя сползла с угловатых плеч на жилистые руки, обтекла острые колени и растворилась в пыли стоптанных сандалет.

Невысокий, поджарый старик с костистым обветренным лицом вечного труженика, он был тем, о ком говорят – «простой человек», ничем особенно не одаренный, ничем не знаменитый, являвший собой обыкновенную статистическую единицу: сначала рождаемости, потом успеваемости, затем производительности, а после – продолжительности жизни, перевалившей далеко за семьдесят. Пенсионер, каких много. Один из числа тех, что сидят по вечерам на скамейке возле своего дома в ожидании собеседника, или безразлично жуют в кресле телевизионную жвачку, проедая последнее время, или скромно копошатся на маленьком клочке богом забытой земли. Отработанный обществом материал, предоставленный самому себе.

Он не спешил открывать дом. Обвел хозяйским взглядом владения: все ли в порядке, нет ли перемен; одобрительно кивнул своим молчаливым питомцам, мол, заждались, соскучились, погодите чуток сейчас подкормлю... поднялся и неторопливым шагом направился к сараю. Приветливо скрипнула дощатая дверь, плотный полумрак радушно обступил хозяина. Узловатые пальцы привычно обхватили отшлифованный черенок лопаты. «Зачем лопата? Лопата не нужна. Где то тут была лейка...», – он обвел взглядом аккуратно сложенный садовый инвентарь. Все, вроде бы, находилось на своих местах. Так, как он, уезжая, оставил. Грабли, ведра, баки, шланги, мотыги, разнокалиберные тяпки. В глубине ежом топоршилась укладка разношерстных дров. Мотки проволоки вперемешку с веревками и пыльными тряпками свили в дальнем углу роскошное гнездо. Старая парниковая пленка ледяными торосами напозла на стопку битых кирпичей... Но лейки нигде не видно. Где же лейка?.. Может, оставил на улице?

Тимофей Иванович вышел в сад, обошел грядки, заглянул в парник. Безрезультатно. Что за глупость?.. Не в доме же ее бросил?..

Вернулся, отпер входную дверь, бегло осмотрел веранду, кухню, комнату. Все как всегда на месте, а лейки нет.

Вышел на крыльцо. Смеркалось...

Поздно уже поливать. Пока разведешь привезенное удобрение, пока обойдешь грядки, ночь окутает землю. Обидно...

Подхватил тяжелый рюкзак и хлопнул дверью.

* * *

Свою жизнь Тимофей Иванович прожил размеренно и спокойно. Ничем особенно голову не утруждал. Вперед не рвался. Хвостом не тащился. Порядков не нарушал. Партию не ругал. На собрания ходил. План выполнял. Начальства слушался. Питался плодами рук своих. И считал это правильным.

В год смерти Вождя народов закончил восьмилетку. Поступил в ремесленное училище. Оттуда пошел в армию. Из армии – на завод. Дальше, как по инструкции: общежитие, свадьба, отдельная комната, дочь, сын, квартира. Не большая, двухкомнатная, отдельная. В доме

самой демократичной архитектуры, названном по имени вождя и вдохновителя – «хрущевками». Дальше, пошло – поехало: станок, дом, станок. По выходным уборка, магазин, телевизор. Иногда рыбалка, баня и водка. Как короткий глоток воды в июньский зной. И снова завод, дом, завод. Из года в год одно и то же, одна дорога, в любую погоду, до самой пенсии. Жизнь как один день. И вспомнить толком нечего...

Даже лихолетняя «Перестройка», казалось, прошла мимо. Не ударила потерянными накоплениями. Нечего толком не скопил. Только проглотила прошлое, как омут. Даже осознания причастности к великому делу не оставила. Кроме шести соток, что под самый занавес, перед пенсией, выделили и сразу забыли, как отрезали. Словно и не числился, словно умер лет двести тому назад, растворился без следа в суете нового мышления. В один день обнулили весь долгий срок упорного труда, перевыполнения плана, борьбы за повышение качества, как будто списали все те миллионы изготовленных деталей, в чем предназначении он так толком и не разобрался.

Осталась только старая докучливая жена, двое взрослых, отделившихся детей и шесть соток земли, своей, единственно близкой, где только чувствуешь себя до сих пор живым.

* * *

До выхода на пенсию Тимофей Иванович особенно не задумывался о смысле своей жизни. Твердо знал слесарное дело, считался уважаемым человеком и находился на хорошем счету у начальства. Заумные философические бредни составляли удел «белоручек», «очкастых интеллигентов», то есть всех тех, кому по большому счету, не место в правильном обществе. Он относил себя к «его величеству рабочему классу», «соли земли», «гражданину лучшей страны на свете». Его труд крепил оборону Родины, вливался в широкий поток плановых показателей, повышал уровень жизни трудящихся, вставал непреодолимым щитом на пути ползучего империализма. Все казалось простым и ясным. Любые возникающие сложные вопросы охотно разъясняла Партия или жена. Если одна что-то не успевала или не могла вовремя объяснить, то другая охотно восполняла образовавшийся пробел. При этом главное всегда сводилось к одному – работай, как следует, остальное приложится. Будущее будет светлым.

И Тимофей Иванович добросовестно срезал стружку с металлических болванок, отсиживал положенное время на собраниях и носил зарплату жене. Шли годы. Все постепенно складывалось – обыкновенным порядком, как у всех. Жили как люди, не хуже других. Как ни как не воровал, пьяным по канавам не валялся, на производстве не отставал, план давал, жену не бил, двоих детей растил, квартиру получил, холодильник купил, водочку попивал, но в меру, премии до дома доносил, иногда на рыбалку с друзьями ездил. Что еще надо? На праздники стол собирал, родственников поздравлять не забывал, дети учились не хуже всех. Даже мопед сыну сладил. Казалось, сложилась жизнь. Но что-то на душе постанывало. Что-то с каждым годом все отчетливее скреблось и ныло, покалывало изнутри, не находя выхода, как долго вызревающий птенец. Какая-то глубокая тоска. Особенно по вечерам в воскресенье, после выходных, когда, отужинав, он медленно уходил ко сну. Жена гасила свет, говорила: «Давай спи. Завтра на работу». А не спалось. Часы медленно отсчитывали минуты, по стене бегали белые тени от света фар проходивших мимо машин, и разные мысли вслед за ними быстро проносились в голове. Зачем? Куда? Почему? Безответные, муторные, тяжелые.

Впрочем, к утру от них не оставалось и следа.

Выходные кончились, думал он, а толком ничего не сделано. Столько планов складывалось на неделе и опять все впустую. Жена все время забрала на разные глупости. Хотел на рыбалку поехать, а пришлось в магазин идти. Хотел собрать с сыном модель планера, а весь день чинил в коридоре вешалку. Потом серия очередная по телевизору, как ее не посмотришь? Спортивные новости, обычные новости... О чем завтра на работе говорить? Ужин и... все, день

кончился. Что-то не так идет, как нужно. Нет радости на душе, нет волнения. Застойно, словно в болоте. Даже кроссворд не успел дорешать. Короткие какие-то выходные. Ничего не успеваешь. Ничего на себя не остается. Завтра снова завод, станок, болванки, стружка. Пятьдесят грамм за проходной, ужин, телевизор и опять спать, без мыслей, без снов. И так до следующего воскресенья. Что-то неправильно в жизни устроено. Дни катятся, как смазанный подшипник. Сидишь сверху, мир кружится и сливается перед глазами в сплошные одинаковые круги.

Иногда хотелось вдруг бросить все, куда-нибудь уехать, начать все сначала, по другому. Так, как это бывает в кино. Непременно счастливо, радостно, необыкновенно. Может быть, даже героически. Вот пригласят его на какой-нибудь особенный военный завод. Поручат что-нибудь сделать эдакое. Он сделает, да так, что все ахнут. И дадут ему огромную премию, большой портрет повесят на доску почета, изберут делегатом съезда, сделают Героем труда. Сразу же все станут ходить к нему за советом: бригадир, начальник цеха, и даже сам директор. Начнут спрашивать, как бы так дело поставить, чтобы теперь все время получалось не хуже. И уговорят пойти в мастера. Назначат наставником молодежи. Положат большую персональную зарплату, непременно с надбавкой. Выделят машину, земельный участок под дачу, румынскую стенку, куда жена сразу выставит фотографии, наградные листы и хрусталь, как в музее. На дачу он, конечно же, переселит родителей и будет их навещать по выходным, приезжая всей семьей на машине. И день будет солнечный, и стол на веранде широкий, и вина много, и друзья будут чествовать, и смех покатится рекою, и красивые комсомолки будут смотреть восхищенными взорами. Жена станет нежная, дети послушные, нельзя же им позорить такого отца, передовика и орденосца. Хорошо станет. И путевка на юг ему первому, и море самое синее, и пляж золотой, и пальмы с широкими листьями прямо над головой. И никакого начальства...

Мечты, пустые мечты. Скользят по гладкой поверхности мысли, обдают душу прохладой надежды, как щель в оконной раме. Сидишь в уюте за толстым стеклом, а там, снаружи кто-то, нагнувшись вперед, ломает напористый ветер, и наградой ему – синий платочек в белой руке с балкона напротив. И он бы пошел, и он бы так смог, но никто не зовет, никто нигде не ждет, никто ничего особенного не поручает, хотя он вполне смог бы и сделать. Но выходить из теплого дома незачем, да и вообще, что там, в другом месте, среди чужих людей делать? Пустота чужбины пугала, а привычная устроенность с каждым годом затягивала все глубже.

Что я могу, кроме того, что делаю? Чем я лучше других? Все делают это, и я должен. План надо давать. Детей растить, – думал он, – Пусть хоть они проживут счастливо. Может, у них будет иначе, понятнее, лучше. Стране нужны детали. Детям нужны деньги. Все это дает завод. Надо идти работать.

Мысли загонялись на привычный круг, и он тихо засыпал...

Шло время. Год следовал за годом. Дети росли, выросли и ушли, а вечерние, воскресные мысли в голове остались. Только стали еще острее, колючее, жестче. А тоска их порождающая – беспощаднее, злее. Она выходила из темных углов проваленной в ночь комнаты, наваливалась на душу и душила за что-то несбывшееся, не совершенное, непонятое, пропущенное. Становилось жалко себя, череды скоро прожитых лет, напрасно потраченного времени, стыдно за свою мягкотелость. Хотелось отбросить привычную уступчивость, проявить мужскую твердость. Но он не находил того, на чем нужно настаивать. Все, что жена делала – вроде как, правильно. Начальство зря не цеплялось. Менять, казалось, нечего.

Катилось колесо жизни круг за кругом, вращалась одна и та же дорога, сменяли друг друга привычные надоевшие дела, как стеклянные, одинаковые бусинки. И нет из этого выхода, как нет оправданий перед щемящей душу тоской по бездарно ушедшим годам. Лишь изредка заполняла пустоту обжигающая горло водка и пустой хмель заслонял беспечным весельем наползающую неудовлетворенность. Он чувствовал, что есть что-то помимо того, что он видел, делал, за что голосовал, что-то, что находится выше того, что он имел, ел и носил. Но что, оставалось для него тайной, сокрытой в темных углах сумеречной комнаты.

* * *

Привычный круг жизни разорвался шестью сотками.

Невзрачный, поросший лесом клочок земли вторгся в его мир, словно иная планета. Правда, как все значимое, что случается в жизни, осознал это Тимофей Иванович лишь годы спустя. Сначала же, преисполненный энтузиазма быстренько решить продовольственную программу в масштабе отдельно взятой семьи, засучив рукава и призвав в помощь бывалых друзей по рыбалке, он принялся раскорчевывать лесную делянку. Но, вскоре, осушив до дна романтический сосуд новизны и батарею привезенной водки, добровольные помощники оставили его наедине с природой и кучей непредвиденных проблем. Никто не испытывал острого желания долго мучить себя изнуряющим трудом вдали от нормальных условий жизни. Дружба дружбой, но без крыши над головой, горячей воды и пищи, мягкой постели, сухой и теплой одежды, открытым лицом кормить рой ненасытных комаров за здорово живешь, дураков мало. Пришлось самому с помощью повзрослевшего сына осваивать целину. И путь от тяжелых пней ломило поясницу и отвратительно чвакала болотная жижа внутри прохудившихся сапог, зато никто не указывал, что делать. И тут Тимофей Иванович впервые почувствовал некоторую растерянность. Ему приходилось все чаще самому принимать ответственные решения. Здесь всё зависело только от него. Плохо получится или хорошо – значения не имело. Как решит, так и будет. Эта земля принимала все и становилась такой, какой он захочет сделать ее, на ровном, чистом месте.

Это новое осознание непривычной ответственности приятно пощекотало изнывающую душу. Причем настолько, что ежевоскресная тоска, как-то незаметно скукожившись, и он с удовлетворением отмечал, что, несмотря на боли в спине, за день успевал сотворить не мало полезных дел. Завтра можно будет заняться новыми, не менее важными, что позволит приблизить воплощение того замысла, зародившегося по дороге на участок, когда утром в электричке задремавший сосед уронил на колени раскрытый журнал и цветная фотография аккуратного белого домика, утопающего в тени цветущего сада, приковала к себе внимание. «И я хочу построить такой же», – подумал Тимофей Иванович. На станции в киоске он купил тот же номер, вырезал фотографию, аккуратно сложил в записную книжку и стал думать, как можно использовать сучковатые бревна, небрежно сваленные в дальнем углу раскорчеванного участка.

С того дня картофельные грядки незаметно отодвинулись на второй план. Мозолистые рабочие руки охватил нестерпимый строительный зуд. С разных сторон стаскивался всякий подручный материал, и спустя год неказистый бревенчатый сруб, весьма отдаленно напоминающий журнальный образец, вырос на месте перекопанных кочек.

Два последующих года Тимофей Иванович отделявал и обустроивал новое строение. Преодолевая великое сопротивление супруги, вытаскивал из нее деньги на закупку оконных рам, кирпича и рубероида. Сам, по книжным руководствам, сложил печь-шведку. Добыл где-то старых дверей и вагонки. Кропотливо обшил и покрасил стены. Поклеил внутри обои. На новоселье пригласил всех. Но приехала только жена с дочерью. Переночевали, посетовали на отсутствие горячей воды, заметили, что у соседей дом получился больше и лучше, и уехали, так и не оценив в должной мере того труда, что вложил в воплощение долгой мечты.

Если бы они знали, сколько денег затратил сосед на строительный материал, и какими скромными средствами обошелся он, то, наверное, оценили бы домик несколько иначе. Но Тимофей Иванович не стал им рассказывать, а они, по свойственной им женской легкомысленности, не захотели вдаваться в скучные детали строительства. Тем более, что их явно не устраивали бытовые подробности проживания в сельской местности.

И снова пришлось строителю напрягать воображение и конструировать водонагревательную систему. Местный совхозный работяга за пару бутылок водки сварил столитровый «самовар». Частично разобрав дымоход, Тимофей Иванович вмонтировал его в печь. По отводной трубе горячая вода подавалась на мойку. Холодная – ручным насосом нагнеталась из колодца. Сточная – по трубам уходила в яму.

Но и этот шедевр инженерной мысли не привел в восторг взыскательную женскую половину. Жена лишь сухо заметила, что несмотря на наличие в доме горячей воды, вымыться целиком все равно негде. И только после того, как ровно через год на участке появилась маленькая банька, супруга прожила на даче ровно две недели. После чего ей стало скучно, и она уехала обратно в город.

Может быть, на этом и закончилось бы увлеченное освоение Тимофеем Ивановичем отдельного клочка земли, как это происходило в большинстве случаев, если бы все только ограничилось героическим преодолением бытовых трудностей. Но не это составляло главное достоинство участка. Здесь, вдали от привычного круга формальной жизни, предоставленный самому себе, как Робинзон Крузо, он невольно прикоснулся к великому таинству созидания жизни.

Вывозя в грядки развороченные, очищенные от леса черные кучи земли, он, больше следуя общему настроению первой волны садоводов, чем собственному стремлению, механически заронил в них новую жизнь, и первые урожаи превзошли все ожидания. Земля щедро воздала за приложенные усилия. Овощи вылезли вперед сорняков, налились сочной мякотью и аппетитно выперли из грядок, радуя глаз своею дородностью. Даже слепой, далекий от земледелия человек не мог бы не отметить отменность первого урожая. Второй год, выдался несколько хуже, но все же позволил заняться общим обустройством участка и строительством. На третий появилось искушение расширить ассортимент выращиваемых культур, что повлекло за собой постепенное обретение первых сознательных агротехнических навыков. Щедро обмениваясь с соседями немудрыми советами, ошупью погружаясь в закономерности непонятного растительного мира, Тимофей Иванович вдруг ощутил неведомую ранее восторженность результатами своего труда и стал внутренне откровенно гордиться успехами своего маленького хозяйства.

Шло время. Земля постепенно истощалась, пронырливые вредители осваивали новые территории. Появились неожиданные проблемы: когда лучше сажать тот или иной сорт, как бороться с жуком, бабочкой или личинкой, как давать подкормку кустам, какие удобрения и когда надлежит применять.

Тимофей Иванович приобрел подборку специальной литературы, стал прислушиваться к советам опытных садоводов, старался не пропускать тематических передач по радио и телевидению, заносил нужные сведения в особую тетрадку, завел новых знакомых и даже закончил какие-то шестимесячные курсы огородников-любителей. По весне стал выращивать на подоконниках рассаду помидоров в торфяных стаканчиках, соорудил на участке небольшую теплицу и напрочь отбросил бывшее увлечение рыбалкой, на глупости попросту стало жаль драгоценного времени.

Земледелие начинало перетягивать на себя внимание, обретать осознанный, целеустремленный характер. Стихийное, интуитивное начало стало перерастать в стойкое увлечение, обрастать признаками научного подхода. Приходилось делать и наблюдать. Выискивать причины и находить правильные решения. Подбирать нужные инструменты и оптимальные методы. И все это самому, в преодолении себя, в погружении в основу самой жизни.

Голова Тимофея Ивановича оказалась плотно заполненной хаотично бродящими мыслями. Его охватило неведомое ранее ощущение умственного перенапряжения. До этого всю жизнь ему приходилось работать только руками, выполнять чужие команды, инструкции, приказы. Теперь же он оказался один на один с непаханным полем, где приходилось не столько

копать, сколько мучиться в поисках правильного решения, без конца экспериментировать и изматывать себя постоянными сомнениями. Он перечитывал по десятку раз страницы наставлений и справочников, измучил соседей одними и теми же вопросами, измотал продавцов «товаров для садоводов». Несколько раз даже посетил опытную станцию, но и там не нашел однозначного ответа на вопрос как надлежит правильно обрабатывать почву от ненасытного «проволочника».

Плотно въевшееся в душу правило «все делать основательно и хорошо» ввергло его в такую бездну противоречий, что окончательно запутало, и он решил делать так, как делают «люди», а именно – полагаться на себя, свою интуицию и советы стариков, которые, как правило, сводились к одному – люби землю и доверяй себе.

У семи нянек дитя без глаза, а каждый участок имеет свои особенности. Как Тимофей Иванович к этому ни стремился, но привычно спрятаться за спину чужого авторитета ему не удалось. Чужой опыт не давал удовлетворения. «Добрые» советы садоводов, как правило, не находили практического подтверждения и зачастую после их воплощения становилось еще хуже. Чего только он не зарыл в землю, что бы ее улучшить. Чем только не потравил за эти годы. Но толку оказалось мало. В конце концов, пришлось признаться, что кроме как от себя помощи ждать больше не от куда.

Только на седьмой год Тимофей Иванович в полной мере осознал, что для того, что бы приручить богом данные шесть соток, он должен прежде всего очистить землю от всего лишнего, что ее отягощает. Опустившись перед ней на колени, он руками стал перебрать каждый влажный комочек, выбирая из него все лишнее: корешки, личинки, мусор, непонятные известковые образования. Ни время, ни усталость, ни голод не смогли отвлечь его от этой работы. И когда на исходе шестого дня он закончил, поднялся и обзрел результаты своего труда, то поразился тому, как земля преобразилась, как она облегченно вздохнула и благодарная улыбнулась ему. Великое успокоение нашло тогда на душу Тимофея Ивановича, словно вместе с землей очистился и он сам. Словно с горой мусора, ведром личинок и кучей сорных корешков упал с сердца тяжелый камень вины перед ней, десятки лет терпеливо ждавшей тепла его рук. Словно вошло в него понимание самой жизни, тайно сокрытой в каждой ее частице. Словно просветлился он вместе с ней, породнился, слился в едином устремлении созидать жизнь.

С тех пор многодневные садовые бдения, самостоятельной поиск верного решения в содружестве с усердием и природной наблюдательностью преобразили Тимофея Ивановича. Из тихого исполнительного работяги он незаметно для себя превратился в хозяина своей земли, отвечавшего за каждое возвращенное им существо, находившего для него место и уделявшего ему время. Здесь, на шести сотках, он впервые ощутил в себе продолжение жизни, насущную необходимость утреннего пробуждения, оправданность каждого прожитого дня, увидел результат своего труда и радовался маленьким удачам на извилистом пути преодоления очередного витка хитроумного сплетения многомудрых загадок природы. Он обрел смысл своего существования и ощутил великую ответственность за судьбу тех, кого сотворил. Он знал каждый росток, каждую травинку на своих грядках, отличал их по имени и ласкал мягким теплом внимательных глаз. Для каждого имелся свой день посева, полива, прополки. Каждый знал четкое время его прихода, и мог открыто посетовать на какие-либо неудобства и непредвиденные неприятности. Традиционное обрезание пасынков на яблонях сопровождалось подготовкой не менее сложной, чем выход хирурга на операцию. Был даже принят специальный метод изгнания жуков, напоминающий ритуал древнего шаманизма. Паразиты отлавливались в большом количестве, живыми помещались в жестяную банку и в ней сжигались на медленном огне. После чего их прах разводился водой и этим раствором обрабатывался периметр участка. Таким образом, выставлялся непреодолимый заслон на пути нового вторжения. Столь жестокий способ борьбы Тимофей Иванович, тем не менее, находил более гуманным, чем отравле-

ние земли ядохимикатами. Он полагал, что страшная гибель малого числа одних неведомым образом ограждала жизни других и сохраняла популяцию вида.

Он возлюбил все созданное собою и относился к нему как мать к своему ребенку. В нем открылось какое-то новое чувство восприятия жизни. Он словно понимал каждое существо, воспринимал его боль и тяжесть возложенной на него миссии. Он слышал тихий голос природы в шелесте листвы, в аромате травы, в полете пчелы. Он видел как вода впитывается в почву и наполняет собой стебель растения, как оно втягивает в себя влагу и с хрустом расправляет упругие листья. Он осознал четкую зависимость между всеми живыми существами и стал органично встраиваться в их стройную систему взаимосвязей, пытаясь никому не нанести вреда.

Тимофей Иванович больше не применял жестких пестицидов. Остатки химических удобрений решительно выбросил на помойку. Кардинально сменил технику обработки земли. От безжалостного уничтожения сорняков он постепенно перешел к симбиозу различных культур, полагая это самым гуманным и оптимальным средством борьбы с вредителями. Вскоре его участок стал напоминать заросший разной травой лужок. Соседи не замедлили окрестить его чудачком и даже стали высказывать несправедливые упреки по поводу запущенности огорода, обвиняя в том, что от него постоянно разлетаются семена всяких сорных растений. Но он уже не обращал на это внимание, будучи целиком поглощенный своими делами.

Каждый день, каждое утро он выходил в сад и слушал его голос. Что сегодня ему нужно? Какое дело предстоит сделать, чтобы каждый в нем рос здоровым и радостным. И земля отвечала ему буйным цветением, крепким стеблем и сочным листом. Она звала его по имени, каждым своим комочком, каждой травинкой, каждым ростком. Крыжовник и яблони, смородина и айва радовались ему, как дети, протягивали навстречу тонкие ветви и благодарно ласкали руки трепетными листьями. И он отвечал им своей любовью, заботой и потом, обихаживая каждый сантиметр родной, живительной почвы.

И вот нет лейки. Нечем поддержать, дать жизнь и силу измученным зноем растениям. Как такое могло быть?

Тимофей Иванович проворочался в постели половину ночи, гадая, куда могла запропасться проклятая лейка. Неужели завтра придется опять ехать в город и покупать новую? Тащиться до станции, трястись в душной электричке, бегать по магазинам, выискивая, где подешевле и получше. Куда без лейки? Особенно сейчас, когда каждый день на счету. И так сколько времени уже не был. Вся почва высохла... Целых два дня выстаивал в очереди за пенсией, покупал продукты на месяц: консервы, крупу, хлеб... Заправлял газовый баллон, доставал новейшую органическую подкормку. Еле все это донес. Да что там говорить... Не корысти ради, ради жизни на земле от зари до зари проводил он свои дни и тратил последние силы.

* * *

Проснулся Тимофей Иванович позже обычного. Солнце уже стояло высоко. С соседнего участка, расположенного возле самого леса, доносились гулкие удары. Ираида Павловна, одинокая трудолюбивая соседка, покачивая дородным бюстом, старательно заколачивала в землю деревянный колышек.

– Доброе утро, сосед, – приветствовала она его, опуская тяжелый молоток.

– Здравствуйте, – кивнул он вежливо с крыльца.

– А я у вас вчера лейку взяла. Да вернуть забыла. Замоталась совсем, поливая, – радостно улыбалась она, – Вы уж меня извините, что без спросу. Вас не было. Поливать надо, а у моей носик отвалился. Я в щелку пролезла и вашу взяла. Дощечка там отстала. Кругом бегать-то не набегаешься. Ее приколотить недолго. Так? – она подхватила с земли лейку и стала подходить с деревянному мшистому забору,

– Да, что... ничего, – отлегло на сердце у Тимофея Ивановича, – Не беда.

– Представляете, беда какая. Поливать надо, а лейки нет. Без носика, и лейка не лейка. Сама, вроде, как целая, а носика нет, так и полить нечем. Вода-то не держится, – она положила лейку на верхний срез штакетника, – Вы уж меня простите, что пришлось без вас похозяйничать. Не подумайте ничего худого. Без лейки-то как быть? Все же засохнет.

– Да ничего, – совсем смягчился Тимофей Иванович, подходя к забору, – Ничего страшного не случилось. Не волнуйтесь. Носик и припаять можно.

– Вот бы хорошо, если бы его припаять можно было, – обрадовалась соседка, возвращая утрату, – А то без носика, как поливать? Без носика поливать невозможно. За новой, когда еще съезжу. Ехать, сами знаете, не ближний свет. Весь день на дорогу уйдет. Пока туда, пока обратно. Вот я и взяла, распорядилась, так сказать, пока хозяина нет, – продолжала оправдываться.

– Ну, взяла и взяла. Надо будет, так и берите, – благодушно ответил он, принимая через ограду свою потеряшку, – Я сарай не запираю. Замков на калитку не вешаю.

– Вы главное на меня не обижайтесь. Так получилось. Кто мог подумать, что он возьмет и отвалится. А тут еще вас, как назло, нету. Я к тем, я к этим, – махнула она в сторону ближних участков, – Никого нет. Все распродались. Уехали. Одни мы с вами сидим, как грибы. Вот и решилась взять. Она как раз возле грядки стояла. Я убиваюсь, а она без дела стоит. Вот и взяла. Взяла, а вернуть не успела. А тут вы приехали. Вы меня извините, если что не так. Не хорошо, конечно, получилось, что без спросу. Так и спросить было не у кого.

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить ее Тимофей Иванович, – Ничего страшного не произошло. Вернули и на том спасибо, – поспешил он закончить беседу.

– Глупо конечно получилось. Но кто знал, что носик отвалится, да еще в самое такое время. Самая жара, а он отвалился. Чем теперь поливать? Хорошо бы, если бы его припаять можно было. Может, посмотрите? Я сейчас принесу. А то день сегодня тоже, судя по всему, жаркий. Дождя, видимо, не будет. Что вечером делать? Вы уж посмотрите. Может и правда припаять получится. Новую-то когда еще куплю.

– Несите. Посмотрю.

– Вы там только приладьте его как-нибудь. Лишь бы не отваливался.

– Ладно. Ладно. Придумаем что-нибудь. Несите.

* * *

За долгие годы отношения с соседями у Тимофея Ивановича сложились нормальные. Изначально на своих шести сотках трудились, как правило, люди к физическому труду привычные и без работы не представляющие своей жизни. Финансовой состоятельностью никто из них особенно похвастаться не мог, все чувствовали себя равными друг другу, что невольно объединяло в одну большую садоводческую коммуны, где взаимопомощь и взаимовыручка были вполне нормальным явлением. Поэтому, отложив в сторону другие дела, полдня провозился Тимофей Иванович над лейкой Ираиды Павловны. К обеду отржавевший носик был приставлен на место и даже весьма сносно держался, протекая лишь в некоторых до невозможности прогнивших местах.

– Вы просто волшебник, – воскликнула потрясенная соседка, принимая обратно обновленную вещь, – Как вам это удалось? Я даже не думала, что у вас получится. Я уже думала, что все кончено. Что она совсем свое отслужила. Что новую покупать придется. А вы, посмотрите, как все ладно приставили. Теперь она еще лет пять простоит. Вы знаете сколько ей лет? Ей же невозможное количество лет. Теперь таких не делают. Теперь такой и не купишь. Сейчас все больше пластмассовые льют. А эта, поглядите, железная. Её и запаять можно, если что. Правда ржавеет. Но с этим ничего не поделаешь. Все железное ржавеет, правда? Но если правильно

пользоваться, то и ржаветь не будет. Как думаете, пять лет простоит еще или нет? Я думаю, что вполне протянет.

– Дай бог, дай бог, – скромно ответил Тимофей Иванович и поспешил удалиться от дальнейших проявлений благодарности и неугомонной женской суеты.

«И почему бабы такие болтливые, – размышлял он, бережно прорежая чрезмерно раскустившуюся клубнику, – Это же невозможно, до чего болтливые. И причин нет, чтобы болтать, а все одно болтают. Все оболтать нужно. Откуда только слова берут?»

Как они не понимают, осмыслял он, что и без слов все давным-давно понятно. Не надо никаких слов, чтобы ясно видеть. Что хорошо, то хорошо. Что плохо, так то плохо. Зачем облекать очевидные вещи в поток бессмысленных слов? Зачем выплескивать столько энергии и сил по ничтожным поводам? Вот растения, никаких слов им не надо. Посмотришь на них – и все видно: что им надо, чего они хотят, чему радуются. Просто и ясно. Кто видит, тому никаких слов не нужно.

«Погоди, друг мой, – прервал он свои рассуждения, – сейчас я этого жука с тебя уберу. Ишь обжора. Нельзя тут яйца откладывать. Иди прочь. Присоседился. За оградой живи. Вот так, вот так, – Тимофей Иванович твердой рукой отправил вредителя в ведро, разрыхлил почву вокруг куста, полил под самый корешок и улыбнулся, – Теперь полегче будет. Листочки расправим, комочки стряхнем. Расти, пушистый, радуйся. А тут у нас что...»

– Тимофей Иванович, – раздался сбоку звонкий голос соседки, – Тимофей Иванович, можно вас на минутку.

Садовод нехотя поднялся.

– Ну, что у вас там еще? – спросил он.

– Подойдите сюда, пожалуйста, Тимофей Иванович.

Пришлось подчиниться. А что сделаешь?

– Тимофей Иванович, это вот вам, угощайтесь, – довольная собой Ираида Павловна решительно протянула через ограду глубокую тарелку, накрытую чистой полотняной салфеткой, – Я пирожков напекла, пока вы паяли. С капустой и с яблоками. Вы паяете, я пеку. Так что, угощайтесь. Не знаю уж, как получилось. Без печки все-таки. На плитке. Но с пылу с жару. Чем богаты, как говорится.

– Ну, что вы на самом деле, – смутился старик, принимая угощение.

– Ничего, ничего, попробуйте – скажите. Не все время работать. Иногда и поесть не грех.

– Ну, раз такое дело, то прошу ко мне на чай, – выдал он из себя галантное приглашение.

– Грех отказываться от такого предложения, – весело ответила бойкая соседка.

* * *

Садоводство «Луч», где садоводом состоял Тимофей Иванович, начитывало не более ста участков и располагалось на землях бывшего совхоза, канувшего в лету в первые постперестроечные годы, как нерентабельное. От него садоводам досталась трансформаторная будка, живописный пригорок на берегу реки и железобетонная надпись «Светлый путь» на зеленом каменном постаменте, некогда предвещающая въезд на совхозные земли, а теперь служащая унылым прикрытием большой вонючей мусорной кучи, образованной новыми земледельцами.

С ликвидацией совхоза для жителей близлежащей деревни практически не осталось работы. Испокон веков обитавшие на соседнем пригорке деревенские теперь вынужденно кормились со своих огородов. Многие потихоньку ремесленничали: кто по столярному делу, вытачивая незамысловатые оконные рамы и двери, кто по строительному, срубая неприхотливые баньки из ворованной древесины. К садоводам они относились весьма сдержанно. За своих не считали, посмеивались над их натужными стараниями привнести научный подход в сельско-

хозяйственное производство, и старались в меру своих сил и возможностей извлечь из навязанного соседства максимальную для себя выгоду. Летом прижимисто торговали молоком и дровами, зимой периодически «бомбили» незадачливых домовладельцев, выгребая из хрупких садовых домиков различный бытовой хлам, вывезенный из городских квартир.

До ближайшей железнодорожной станции приходилось идти километра три вдоль пустынного шоссе, уходящего в сторону от оживленной трассы. Два раза в день по нему проходил одинокий автобус до дальних деревень, да иногда стремительно проносились на иномарках состоятельные дачники.

Участок Тимофея Ивановича находился на склоне холма с края у леса. В этом месте лесополосу, занимающую водоохранную зону, пересекала проселочная дорога, ведущая через все садоводство к берегу, и с него открывался замечательный вид на излучину реки. Но главное он целиком прогревался солнцем практически весь световой день, и в этом состояло главное его достоинство. Тень от высоких сосен не доходила до посадок Тимофея Ивановича и застревала на крайнем участке Ираиды Павловны.

Благодаря своей немногочисленности садоводство жило довольно тихо. Далеко не все обитатели дальнего Петербурга утруждали себя посетить свои крохотные владения на короткие выходные. В основном наезжали обладатели собственных автомашин. Оседлав течение времени, они потихоньку отстраивали новые дома и скупали заброшенные соседние участки. Время такое пришло, другое, кусачее. Новая жизнь несла за собой иные ценности. Молодежь стремилась к уединению, обширным владениям, изысканной архитектуре, полным удобствам. Мода на шесть соток канула в прошлое. Притиснутые со всех сторон убогие постройки первых поселенцев, в большинстве своем слишком скромные, в основном с неказистыми изломанными крышами, позволявшими дешевым способом получать некое подобие мансарды вместо чердака, обреченно ждали своей участи.

Ближайшие к Тимофею Ивановичу соседи уже продали свои сотки предприимчивому адвокату, прельстившемуся живописностью сосновой возвышенности над излучиной тихой реки. Осталась только Ираида Павловна со своим обезноженным, вросшим в землю строительным вагончиком, обитым листами проржавевшей кровельной жести. Рядом с ним маленький садовый домик Тимофея Ивановича выглядел роскошной усадьбой, хотя имел всего одну комнатку, отделенную от кухоньки белой печкой – шведкой, остекленную веранду и широкое крыльцо с нависающим над ним козырьком, скрывающим от дождя.

И хотя домик так и не приблизился к изначально заданному идеалу, все же внутри он был обустроен с видимой заботой и любовью. В комнатке с одним оконцем вдоль оклеенных выцветшими обоями стен по углам напротив друг друга располагались две полуторные кровати, забросанные залатанными покрывалами. Круглый обеденный стол с запыленным красным транзисторным телевизором отечественного производства, размещался между ними, как рефери на ринге. Старый платяной двухстворчатый шкаф подпирал одну из кроватей, обозначая конец комнаты. Далее следовала кухонька, где с трудом ютились между окном, печкой и входной дверью деревянный буфет с посудой, кухонный стол накрытый порезанной клеенкой, три табуретки и белая эмалированная мойка.

* * *

Тимофей Иванович усадил Ираиду Павловну на кухне возле окна, ополоснул руки и поставил чайник на газовую плитку.

За десяток лет ближайшего соседства им так ни разу и не пришлось вместе посидеть за одним столом за обыкновенной чашкой горячего чая. Как это не покажется странным, но, как правило, близким людям уделяется внимания гораздо меньше, чем тем, кто изредка навещается издалека. Быть может, срабатывает представление о том, что возможности погово-

ритель завтра окажется больше, чем сегодня. Надо только доделать то или другое дело, что на деле до конца никогда не доделывается, а влечет за собой новое, тоже важное и неотложное, а за ним другое не менее настоятельное. И так, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Круговорот ближайших забот увлекает в свою цепкую орбиту и удерживает, пока хватает сил и здоровья не свалиться с ног в объятия неизбежной болезни, а за ней следуют новые заботы, гораздо более близкие и волнующие, чем некто обитающий на соседнем участке в плену повседневной возни вокруг точки своего миростояния.

Как большинство самостоятельных мужчин, Тимофей Иванович не любил одноразовых пакетиков и предпочитал старый добрый фарфоровый чайник, дарующий изысканный аромат крепко заваренного чая.

Изредка отвечая на непрекращающийся монолог Ираиды Павловны по вопросам огородных проблем, он неторопливо, по-хозяйски, сервировал стол двумя надтреснутыми чашками, бумажными салфетками, сахарницей с горкой слежавшегося песка, алюминиевыми ложечками и вазочкой с прошлогодним смородиновым вареньем. Затем установил на середину тарелку с пирожками, обстоятельно заварил чай, накрыл чайничек чистым вафельным полотенцем и только после этого явил миру из под полотняной салфетки произведение кулинарного искусства своей соседки.

– Хороши, – с видом знатока оценил он их пышные бока.

– Можно сказать, первый раз такие получились, – тут же включилась Ираида Павловна, – Уже и забыла, как их пекут. Некому печь, так и забываешь, как это делается. В былое время я своего мужа, чем только не баловала. Особенно он у меня любил торт «Наполеон». Помните, раньше модно было его делать. Раскатывать коржи, смазывать кремом...

– Да, да. Мы когда-то тоже его делали. Дети любили крем ложками есть.

– Вот, вот. Теперь больше магазинное берут. А свое-то совсем другое дело. Знаешь из чего сделано. И вкус у своего совсем другой. Мой муж, бывало, сядет за стол, примет стопочку водки, скушает под борщ десятка два пирожков, свалится на кровать и затихнет до утра. И ничего больше ему не нужно. Только его не трогай. Тишина в доме, счастье. А как помер, так... все уже не то. А вам-то, что, жена пирожков не печет?

– Я уж и забыл, как они домашние выглядят, – улыбнулся Тимофей Иванович, разливая по чашкам горячий чай, – Угощайтесь, пожалуйста.

– Магазинные есть нельзя, – констатировала Ираида Павловна, – Их делают из отходов производства. Это я вам как технолог говорю. Выпекаются на маргарине и притом, не лучшего качества. Гастрит – самое легкое, что можно получить от фабричного пирожка. Я своему мужу никогда не позволяла их есть. И все одно не уберегла. Умер от рака. С тех пор и живем вдвоем с дочерью. Да вы, наверное, его помните, – Тимофей Иванович согласно кивнул головой, отправляя в рот первый теплый пирожок, – Веселый был человек, – вздохнула Ираида Павловна, – Вот построю тебе теремок, шутил, и переедем сюда жить. А как было бы хорошо тут жить. И зимой, и летом. И чтоб печка была, колодец, да валеночки... Что надо для счастья? Теперь уже все. Не придется. В другой жизни. Съезжаю отсюда. Продала участок адвокату.

– Да вы что? – едва не поперхнулся Тимофей Иванович.

– Уговорил, черт очкастый. Полгода меня мытарил, за мной ходил, – Ираида Павловна махнула рукой, – Прямо как лист банный прицепился. Продай, да продай. Да, оно и к лучшему. Сюда не сильно-то наездишься. Соберу урожай, закрою калитку и не поминайте меня лихом, дорогой сосед. Буду жить в городе, летом по курортам ездить, здоровье лечить. Дочка моя выросла. На днях замуж, наконец, вышла. Подарок им справлю. Видали, какая она у меня стала. На майские это она с зятем приезжала. Скоро бабушкой меня сделает. Тут уж вовсе не до огорода... И так все время ругали, зачем сюда езжу. Почему себя не берегу. И, правда, так намаюсь на грядках, домой приезжаю чуть живая. Ног под собой не чую. Хотя жалко, конечно, бросать все... Столько сил сюда, можно сказать, положено. Один вагончик, помните, как тащили...

Сколько лет-то мы уже с вами соседствуем? Десять? В одно время получали. Но не даром поется в песне: «Все проходит, все пройдет...»

– Это верно, – тяжело вздохнул собеседник, – Значит, один я теперь остался.

– Вы уж тут не сучайте. А то и сами продайте все этому адвокату. Пускай тут себе усадьбу строит. Его дело молодое, – продолжала Ираида Павловна, – Сколько вот таких повылазило. Трясут долларами. Откуда они их только берут. Воруют, не иначе. Где честному человеку столько денег взять? Вот вы на свою пенсию много земли купили? То-то и оно. А он гляди-ка одного купил, второго, третьего... И все мало. Если бы не внук на подходе, ни за что бы не продала. Так нет, узнал откуда-то, про внука.

– Он что угрожал вам? – возмутился старик.

– А кто его разберет, – развела руками соседка, – У него все слова одинаковые, вежливые. Не поймешь, где уговаривает, а где угрожает. Они, эти новые русские, на все способные. Он так и сказал, подумайте, говорит, о внуке. Как его тут понять? Зять молодой. Дочка без работы сидит. Внук на подходе. Сколько денег малышу надо? Я вся больная. Так одно к одному и сложилось.

– И откуда он только взялся на нашу голову... – выдохнул Тимофей Иванович, взял отложенный пирожок и сердито куснул.

– А кто его знает? Они же как мухи из земли повылазили. Я так поняла, что он по этой самой, по приватизации сработал, – пояснила Ираида Павловна, – Больно бойко он про нее рассказывал. Про то, как лихо с каким-то банком распродал несколько крупных заводов. Оттуда, видимо, и большие деньги. Как говорить-ся, другим помог и сам хапнул. А мы все удивляемся, что у нас работать стало некому. Где же тут работать, если все заводы распроданы?

– И как только земля таких носит? Ни стыда у них нет, ни совести, – горько заметил старый рабочий и тихо выматерился.

– Время значит, сосед, такое пришло, чтобы старое все вон выносить. Оно может и правильно. Куда нам за ними угнаться? Вон они какие пошли теперь бойкие. Что адвокат этот, что зять мой. Не то, что мы в молодости. Нам чуточку дай, мы и рады. А им все подавай, все сразу и побольше. Я говорю им, молодым, участок продавать нельзя. Он же нас кормит. Давайте втроем возьмемся. Спасибо еще скажите. Не известно чем оно это новое время для нас обернется. По телевизору, одни гадости показывают. От них уже просто голова болит. А политики эти? Куда они нас своей говорильней заведут, одному богу известно. Все на одно лицо и все за Президента. Я, можно сказать, сюда отдыхать от них приезжаю. У меня здесь и телевизора нет. И не нужен он мне. Мне радио достаточно. Новости расскажет, прогноз погоды передаст и ладно. А они мне, не волнуйся. Все дачи – вчерашний день. Отдыхать надо на юг ездить. Не надо нам твоих соток. Продукты все и в магазинах купить можно. Это не экономно столько сил на них тратить. Но разве сравнишь свой огурчик с магазинным? Это же ни в какое сравнение не идет. У своего вкус, можно сказать, медовый. А морковка? А свекла? Из своей свеклы и борщ особенный варится. Никакого ресторана не надо. Было бы, правда, кому варить. Себе здесь и чаем обходишься.

– Верно, – согласился Тимофей Иванович, все больше входя во вкус свежеевыпеченного лакомства.

– Молодежь этого не понимает, – продолжала говорливая Ираида Павловна, – Им чем меньше забот, тем лучше. Зять говорит: седи дома, за внуком смотри, денег мы заработаем. И верно. Правильно говорит. Это я с дочкой маялась, маялась. Что мне теперь с внуком маяться надо? Нет, хватит. У меня еще работа есть. Хочу старость здоровой встретить. Не долго осталось. Три года и я свободна. Для себя хочу пожить. Решила, найму им няньку, самую дорогую, а сама икебаной займусь. Давно мечтала, да все руки не доходили. Вот теперь у меня и время будет и деньги. Глядишь, еще на мои выставки, сосед, придете.

Ираида Павловна все говорила, Тимофей Иванович молчаливо кушал, согласно покачивая головой, пока на тарелке не остался один маленький пирожок.

– Что же это вы чай-то совсем не пили. У вас чай-то совсем остыл, – благодушно заметил радушный хозяин.

– Да бог с ним, с чаем. У меня весь день один чай, – махнула рукой соседка, и они впервые за долгие годы искренне улыбнулись друг другу.

В тот же вечер Ираида Павловна уехала в город. Отгулы закончились, и ей полагалось выходить на работу.

* * *

На следующий день Тимофея Ивановича посетила его законная супруга Екатерина Петровна.

– Ну, как тут у тебя дела идут? – сурово произнесла она, поблескивая на него стеклами своих очков.

Тимофей Иванович всегда побаивался своей излишне энергичной жены, сумевшей выбиться из простых работниц в старшие счетоводы. За долгие прожитые с ним годы она прочно утвердила за собой главенствующую роль в семье. Да и стоит ли с ней спорить из-за этого? Нравится ей командовать, так и пускай командует, решил для себя мужик, одной головной болью меньше. Не будет лишним раз из-за пустяков дергать. Тем более, что дети ей ближе, ей ими и заниматься. Да и привычнее так, на работе одни начальники и дома перестраиваться не нужно. Делай, что скажут и спи спокойно.

Так у них и повелось. Екатерина Петровна располагала, а Тимофей Иванович сдавал зарплату, носил сумки по выходным и прибывал все, что отваливалось.

Когда выросли дети супруга переключилась на общественную работу и даже обрела некий авторитет во дворе своего дома, а с приходом демократии приняла активное участие в работе участковой избирательной комиссии. Тем более что к этому периоду она вполне освободилась от семейных забот и трудовой повинности, выйдя на заслуженный отдых. Правда, здоровье ее теперь часто давало сбои, но привычная к преодолению трудностей женщина находила в себе силы не привлекать к данному обстоятельству повышенного внимания близких.

Новое семейное обретение в виде шести соток Екатерина Петровна сразу же невзлюбила. Как исконно городской житель она брезгливо относилась к земледельческому труду и не горела желанием пачкать чистые руки в коровьем навозе. Их детям тоже не улыбалось горбатиться под солнцем на отдаленной плантации. Близость к природе в их представлении ограничивалась ярким костром посреди темного леса. Поэтому Тимофею Ивановичу пришлось поднимать землю и возводить постройки практически одному, зачастую питаясь всухомятку. Да еще под постоянным обстрелом колких замечаний и прямых упреков в чрезмерном расходовании семейного бюджета на посторонние глупости.

Впрочем, вскоре после первого хорошего урожая практично мыслящая супруга, трезво оценив новое увлечение мужа, сменила гнев на милость и здраво рассудила, что пусть лучше муж в земле копается, чем водку на рыбалке пьет, и дала Тимофею Ивановичу зеленый свет на решение продовольственной программы в отдельно взятой городской семье. «Твое дело взрастить, а мое сохранить,» – заявила она, направив всю мощь своей неумемной энергии на сбор и сохранение плодов упрямого земледельца.

И хотя по ее расчетам самоокупаемость данного проекта составляла двадцать пять лет при условии получения стабильного урожая, она с нескрываемым удовольствием в редкие дни своих посещений дачного участка наслаждалась в шезлонге под яблоней ароматами летнего сада.

Неожиданный визит супруги несколько удивил Тимофея Ивановича. Позавчера в городе виделись.

– Чего это ты вдруг приехала? – осторожно осведомился он.

– Я тоже рада тебя видеть, – взметнула Екатерина Петровна свои густые брови, – Захотелось, вот и приехала. Могу и уехать.

– Да нет. Оставайся. Мне что... – пожал плечами Тимофей Иванович. Конечно, он мог бы ответить ей, что для того он, собственно говоря, и построил дачу, чтобы она могла приезжать сюда в любой день, когда пожелает. Что лично ему много не надо. Вполне спокойно мог бы обойтись и домиком гораздо меньших размеров. Что все удобства главным образом сделаны для нее: и вода в доме, и свет в парнике, и банька с парилкой, и уж, тем более, цветы вокруг дома. Не говоря уже об облепихе, что густо посажена исключительно исходя из полезности ягод для ее больного язвой желудка. И что он, конечно, рад, что она, наконец, приехала. И надеется, что она сможет остаться здесь подольше, хотя бы на неделю, а лучше до конца лета, чтобы, оставшись, безусловно признать, как здесь восхитительно, и какой он молодец, что все это своими руками создал. Но ничего этого вслух сказать он не мог. Да и так, без слов, вроде бы, все было понятно.

– Не прогнал и на том, спасибо, – резко констатировала она, – Ну, долго ты тут еще сидеть будешь?

– Так только вчера приехал. Самая пора. Поливать надо. И так два дня не был, – стал вдруг оправдываться он.

Тимофей Иванович вообще рядом со своей супругой постоянно чувствовал себя виноватым. Видимо срабатывала многолетняя женская дрессировка.

– Только и знаешь, что свою дачу. Дом совершенно забросил. Скоро вовсе сюда переселишься. А мне что делать прикажешь?

– Так здесь места всем хватит, – осторожно заметил Тимофей Иванович.

– Издеваешься? Что я здесь буду делать? – возмутилась Екатерина Петровна, – В земле копаться? Спасибо. Не для того я столько лет работала, чтобы на старости лет крестьянкой стать. Куда я здесь пойду? Кругом лес, мухи, крапива. Поговорить не с кем. Одна красота – вид на реку. Но долго не налюбишься. Не для меня это. И не по мне. Ты уж меня извини, но ничего с этим не поделаешь. Я с самого начала была против этой затеи. И теперь в очередной раз вижу, что была совершенно права. Вечно я иду у тебя на поводу. А ты этим только пользуешься. Помыкаешь мною, как хочешь. Только о себе и думаешь.

В груди Тимофея Ивановича тревожно заворочались дурные предчувствия.

– Чем тебе в городе не живется? – продолжала напирать жена, – Вот на что ты тут насажал всего столько? Кому это все надо? Кто это все будет есть? Что мы себя в городе не прокормим, что ли? Совершенно себя не жалеешь. Не мальчик уже, чтобы столько работать. Пора уже и честь знать. Зачем нам столько овощей? В прошлом году половину сгноили. И в этом то же самое будет. Лучше бы мы с тобой за границу съездили. Нигде же еще не были. Скоро жизнь кончиться, а ничего не видели.

– А на что смотреть то?

– Да на то, как люди живут. На дома, на природу. На памятники разные. На что люди смотреть ездят. По музеям ходить. На море опять же... Сидишь тут, как медведь в берлоге. Стыдно мне за тебя. Не культурный ты весь. И меня за такую же держишь. Столько лет прожили, а нигде еще не были. Даже на юг ни разу не ездили. Разве это нормально? Разве так жить можно? Другие уже пол земли объездили. Все повидали. А мы с тобой мир видим только по телевизору.

– За границу ехать деньги нужны, – предположил законный супруг.

– Не такие уж и большие деньги нужны для того, кто хочет куда-нибудь поехать, – бойко ответила Екатерина Петровна, – Мы с тобой не такие уж и бедные люди, чтобы не могли себе

позволить маленькое путешествие. Как-никак две пенсии, моя подработка и взрослые дети. В конце концов, можно было бы и продать, что лишнее.

– Что это у нас лишнее, – насторожился садовод.

– Да мало ли, что у нас лишнего. Только представь себе сколько у нас образовалось бы лишних денег, если бы мы бесконечно не закапывали их в землю, – недвусмысленно намекнула практичная супруга.

– Не надо мне никакой заграницы. Не хочу я никуда ехать. Нечего мне там делать, – оцетинился Тимофей Иванович, – Пока я там разъезжать буду, у меня сад засохнет. На кого я его оставляю? Самая пора. Поливать надо. Печка в бане дымит. Переложить надо. Сарай подправить. Дров в правлении заказал. Скоро привезти должны. Кому колоть? Погреб починить надо. Доски прогнили... – и вообще, хотел сказать он, дел тут невпроворот и нет никакой возможности их бросить и заниматься глупостями. А ты, если хочешь, то вполне можешь съездить и без меня, тем более, что все равно тебе сейчас делать нечего: выборов нет, подруги разъехались, а на даче тебе скучно. Езжай, если хочешь. Но не сказал, потому, как коротко высказаться он не мог, а длинно у него бы не получилось. К тому же и жена не стала бы слушать путанные речи, перебила бы на полуслове и продолжала бы говорить о своем. Да и как объяснить человеку, даже если прожил с ним без малого сорок лет, что дороже всего на свете вот этот маленький клочок земли, где только и чувствуешь себя человеком, где только и можешь в полной мере воплотить все свои замыслы и фантазии, особенно если он благодарно откликается на все прилагаемые усилия и становится таким, каким хочешь его видеть. Ведь он манит как тихая гавань, принимает как родительский домом, широкой крышей всегда готовый укрыть от колючего ветра в безбрежном океане враждебного мира.

– Ну, заскрипело старое колесо. Понесло. Поехало. Уж его и не трогай, – воскликнула Екатерина Петровна, взмахнув руками – Так и помрешь тут с тобой в глуши. И за что я только тебе жизнь свою отдала? Никакой благодарности от тебя на старости лет не дождешься. Одни только обиды... Ладно, давай, хоть помогу тебе тут, что ли. Раз все равно приехала. Где тут мой передник? Надеюсь на месте?

– А куда ему деться? – облегченно вздохнул он.

Екатерина Петровна прошла в дом, сняла с гвоздика свой цветастый передник, в него она обряжалась всякий раз, когда посещала дачу, одела, внесла сумки на кухню и стала их разбирать.

– Вот, кефиру тебе привезла, – стала она выкладывать на стол продукты, – Сыра полкило. Надеюсь, на три дня хватит. Чем ты тут без меня питаешься? Небось все в сухомятку бутерброды ешь? Кто это тебя тут пирожками подкармливает? – подняла с тарелки остаток вчерашнего пиршества, брезгливо понюхала и положила на место.

– Соседка вчера угостила, – ответил с порога Тимофей Иванович.

– Это которая? Райка, что ли?

– Лейку ей вчера сделал, – почему-то смутился старик, – Испекла. Угостила.

– Заработал, значит, – съязвила супруга, – Ты бы еще лавку какую открыл жестяную. Глядишь, доход бы пошел, были бы деньги по заграницам ездить.

– Да ну тебя, – махнул рукой Тимофей Иванович и вышел из дома. Он мог бы сказать ей, что нет ничего необычного в том, что соседи помогают друг другу. Это нормальные человеческие отношения. Особенно здесь. Что за десять лет он впервые, наконец, познакомился со своей соседкой и узнал, какой она интересный и по-своему несчастный человек. Он мог бы сказать ей, что кроме этих пирожков он со вчерашнего дня ничего толком не ел, да и есть больше нечего, потому что на готовку уходит слишком много времени, а оно так нужно ему в саду. Но не сказал. Потому что как это все можно выразить женщине, если она не хочет видеть такие простые вещи.

Но Екатерина Петровна прожила с ним не один десяток лет и вполне могла понимать многое без лишних слов. Ей стало неприятно, оттого, что о ее муже позаботился чужой человек, и шпильку бросила, прежде всего, в себя саму.

– Надо бы тебе холодильник привезти, что ли. Может наш старый сгодиться? Он уже совсем некуда. В городе новый себе купим, – предложила она, – Он давно уже на дачу проситься, шумит и закрывается плохо. Выбросить жалко, а тут вполне хорошо. Как-никак двадцать лет работает. Да и вообще маленький, все кастрюли туда не влезают. А тут тебе как раз будет. Поставишь вот тут, в уголочке, и будешь в нем супчики хранить. Достал, разогрел. Здоровье не шутка. Здоровье беречь надо.

– Это же каких денег стоит? Столько лет прожили без него и еще проживем, – возразил Тимофей Иванович. Он имел в виду, что, мол, прожили двадцать лет со старым холодильником, двоих детей подняли, и на все хватало, и всех он устраивал. Много ли нам, старикам, надо? О каких кастрюлях, ты, женщина, говоришь, если практически живешь летом одна и ничего не готовишь, как, впрочем, и он. И на какие деньги собираешься покупать новый?

Но жена имела на все свои виды и потому продолжала:

– А как продукты хранить? На жаре все портится. Не молодой уже, весь день голодным ходить. Купим себе в городе новый холодильник, – решительно заявила она.

– Ну, хочешь, покупай. Пускай стоит, – сухо согласился старик.

– Можно в комиссионном посмотреть, – примирительно подошла жена, – Все не такие расходы, как на новый. Опять же супы не испортятся.

– Делай, как знаешь, – отмахнулся супруг и взялся за лукошко, – Пойду кусты беру. Сморода позрела.

– Телеграмма от дочери. Через три дня придет, – вдруг в спину выпалила супруга.

– Чего это? – остановился Тимофей Иванович. Он имел в виду предположение о том, не случилось ли у дочки каких-либо неприятностей с ее новым мужем, но Екатерина Петровна восприняла его реакцию по-своему и зло отрезала:

– С глаз долой, так из сердца вон. Совсем закопался тут, черт старый. Приедет, так и на порог непустишь?

– Ну, вот... Я что?.. Случилось что?.. – снова оправдываясь, спросил он.

– Приедет, скажет, – сухо ответила супруга, но тревога в глазах моментально переметнулась на Тимофея Ивановича.

– Покажи.

– На, читай, – протянула она аккуратно сложенное почтовое отправление и неожиданно бодро воскликнула, – Ну, что тут у тебя делать надо? Гляди, сколько сорняковросло. Сейчас я их живо выщипаю.

– Оставь. Это цветы, – остановил ее садовод.

– Какие еще цветы? – удивилась женщина.

– Обыкновенные. Вокруг дома посажены, – пояснил Тимофей Иванович. Он мог бы еще добавить, что не одними овощами жив человек, и что когда цветы зацветут, то будет очень красиво, потому что подобраны и рассажены они специально таким образом, чтобы со всех сторон украшать участок своим разноцветьем. И когда она это увидит, то ей непременно понравится. Но не сказал, потому что это и так понятно.

– Ну, цветы, так цветы, – опустила она руки, – Что еще делать прикажешь?

– Сиди. Отдыхай, – ответил он, – Или хочешь, вон, ягоду собери. Сыпется.

Екатерина Петровна поняла, что и в огороде, и в саду все необходимое давно сделано без нее. Осталось только поддерживать установленный порядок и принимать урожай. Не следует незнающему человеку вторгаться в чужое хозяйство.

– Что ж, пойду, сварю тебе что-нибудь, – заявила она.

– Баньку топить? – с надеждой в голосе спросил он.

– Нет. Не нужно, – отстраненно ответила она и ушла в дом.

«ВСТРЕЧАЙТЕ БУДУ ШЕСТНАДЦАТОГО СЫНОМ ВАГОН ПЯТЬ» – прочел Тимофей Иванович.

Почему так неожиданно? Почему с одним сыном, когда у нее двое? Приезжает со старшим или с младшим? Почему одна, без мужа? И почему сообщает телеграммой, когда есть телефон?..

Тимофей Иванович разволновался и даже покрылся испариной.

Впрочем, шестнадцатое через три дня. Может, еще и позвонит, расскажет...

В конце концов, что может у нее там произойти? Девочка уже большая, сорок лет никак. Второй раз замужем. Двое детей. Вполне обеспечена. Большая квартира. Хорошая работа. Что может случиться плохого? – Успокаивал себя Тимофей Иванович, – Хотя за границей все может случиться. Особенно в Эстонии. Русских там не любят, притесняют. Может, и до нее добрались. И зачем она только туда уехала? Что она нашла в этом эстонце? Одно хорошо – морда круглая. А так, ни рыба, ни мясо. И по нашему еле ворзается... Как они только объясниться сумели? Снюхались, однако. И вот уже без малого лет пять живут. Второго ребенка родили. Первый уже язык выучил. В эстонскую школу ходит. Мартина «папой» зовет. И вот на тебе... Буду с сыном. Встречай...

Тимофей Иванович бессмысленно бродил между грядок с секатором в руке. Мысли путались, в душе нарастало смутное беспокойство. Чтобы хоть как-то его сбросить, направился в дом к Екатерине Петровне.

– Чего это она вдруг едет? – спросил он.

– Откуда мне знать? Думала, ты знаешь, – ответила она.

– Может, случилось что?

– Сама места себе не нахожу, – махнула жена рукой, – Как получила, ночь не спала. Раз десять туда им звонила. Никто трубку не снял. А утром сразу к тебе поехала. Встречать надо. Вот сейчас приготовлю тебе обед и обратно, в город. Буду звонка ждать. А ты сам тут сильно не задерживайся. Сделай что надо, – и домой. Кто его знает, что у них там вышло...

– Может, ничего... Может, так, в гости едут... – с надеждой в голосе, успокаивая больше себя, чем жену, предположил он

– В гости так не едут. О гостях заранее договариваются, – отрезала Екатерина Петровна, – Откуда ей знать, что мы дома и можем ее встретить? Может, мы на даче сидим? Тогда что? Три года не была и вдруг нате... такое. Что нам подумать?

– Ну, во всяком случае, жива, едет. Приедет – расскажет. Чего зря голову ломать? – заключил Тимофей Иванович, – Пойду, кусты прорежу. До шестнадцатого еще три дня.

Екатерина Петровна, сварив из того, что было, немудрящий обед, вскоре засобиралась и уехала, забрав полное лукошко спелых ягод и оставив Тимофея Ивановича в одиночестве пережидать опущенное до встречи время.

* * *

Спустя день приехал сын Федор, лохматый, небритый, угловатый с опухшим, помятым лицом, словно после большой попойки.

За свои тридцать с небольшим лет он не сильно преуспел в жизни. С трудом закончив среднюю школу и, сполна отдав дань государственному авторитету, пошел по стопам отца на производство, где довольно хорошо освоил сварочное дело. Но в передовики не выбился, не хватило терпения. Переметнулся в частный сектор бурно развивающихся кооперативов. Женился. Уговорил родителей разменять трехкомнатную «брежневку», загнав стариков в маломерную «хрущевку» и выгадав себе небольшую комнату в перспективной коммуналке, которую вскоре оставил жене с сыном, примкнув, на подъеме трудового успеха, к легиону

бескомпромиссных борцов с неистощимым наследием «Зеленого змея». Стараниями матери долго лечился. Женился во второй раз. Но за неимением постоянного жилья, снова упал на родительскую шею. Три долгих года поскрипывал по вечерам продавленной раскладушкой в углу за шкафом, пока, наконец, не нашел себе служебной комнаты в общежитии картонажной фабрики.

– Здоров, батя, как жизнь?

– Твоими молитвами, – ответил Тимофей Иванович, вопросительно глядя на сына, не сильно баловавшего его своими посещениями и участием, – Какими судьбами?

– Да вот, приехал... – стыдливо опустил тот глаза.

– Чай пить будешь?

– Давай.

Мужики молча прошли в дом, сели за стол, звякнули чашки.

– От сестры что или как? – первым спросил отец.

– Да, по делу я... – нервно теребя в руках ложечку, ответил сын, явно подбирая подходящие слова из своего не слишком богатого лексикона для изложения стоящей перед ним задачи.

– Я, понимаешь, жениться снова хочу, – наконец выдал он из себя и вопросительно посмотрел на Тимофея Ивановича, ожидая реакции.

– Ну, и Бог в помощь, – благословил отец, с явным облегчением, – Когда свадьба?

– Заявление подали. Через месяц.

– Привел бы невесту познакомиться.

– Само собой.

– Что ж один приехал?

– Не может она. Работает.

– А ты ж что?

– А я в отгулах. Не в общежитии же спать. Решал вот тебя навестить.

– Ну и хорошо, что решил, – облегченно вздохнул отец, – Мне как раз надо бревно перебросить. Двоем сподручнее.

– Да бревно что, – махнул рукой сын, – бревно мелочь. Нам вот жить где-то надо.

– Она что, приезжая?

– Ко мне в общежитии татарина подселили. Где жить-то? С татариним нельзя.

– Семейным комнатами полагается, – уточнил отец.

– Полагаться-то полагается, – ухмыльнулся Федор, – Только в общежитии-то, что за жизнь?

– А у нас как?.. Сам знаешь...

– Вот я и говорю. Жилье покупать надо.

– Так покупай. Работает как-никак. Деньги должны быть.

– Много на эти деньги купишь. Мы с мамой сообразили, что нам добавить надо.

– Чего добавить?

– Тыщ пять баксов. Тогда как раз хватит. На комнату.

– Откуда ж их взять?

– Так вот отсюда. На кой тебе эта фазенда? Как раз и хватит. Вот... – заключил сын и залпом выпил остывшую чашку чая.

У Тимофея Ивановича гулко застучало в висках.

Ругаться с Екатериной Петровной все одно, что плевать против ветра. Но воспитывать сына дело совсем другое, даже если тому далеко за тридцать. И если Тимофей Иванович не обломал об спину своего отпрыска березовую жердину, то только благодаря тому, что больше года не видел его наглою рожи. Зато простыми словами и совсем не педагогическими выражениями он в доступной, можно сказать, народной форме объяснил сыну всю неправильность сделанного им предложения.

Впрочем, Федор долго выслушивать объяснения не стал и поспешил закончить неконструктивную дискуссию, гулко хлопнув входной дверью. А стрик еще долго нервно ходил вокруг грядок и ругался в адрес неблагодарного потомка, уносившего ноги обратно в город со средней скоростью пригородной электрички.

* * *

Суббота выдалась пасмурной. С утра вяло накрапывал мелкий дождь. Небо сплошь затянули белесые облака.

На соседний, по весне проданный участок тихо заехал блестящий от воды внедорожник «Лэнд Крузер». Из него вышел маленький толстенький человечек. Раскрыл над головой большой черный зонт. Хлопнула дверца.

– Здравствуйте, Тимофей Иванович, – раздался слащавый голос из-за калитки, – Я ваш новый сосед, Александр Яковлевич. Будем знакомиться.

– Здравствуйте, – только и успел ответил хозяин, как гость уже оказался на пороге его дома.

– Погода сегодня пасмурная, не правда ли? – блеснул он золотыми очками, пытаясь протиснуться на веранду. Ему это удалось. Тимофей Иванович не ожидал подобной бесцеремонности и оказался слегка прижатым к стенке новым энергичным соседом.

– Дождит, – согласился Тимофей Иванович с некоторым раздражением. Не понравился ему как-то сразу новый сосед. Что-то в нем было неприятное.

– А это у вас что, кухня? – поинтересовался Александр Яковлевич, одновременно закрывая большой зонт и крутя круглой головой во все стороны, – Очень миленько. Сами печку сложили? Да? Хорошо сложили. А там у вас что? Водогрей?.. Какая прелесть! Такой водогрей редко где можно встретить. Отличное решение. Работает?

– Работает.

– Можно попробовать?

– Я еще печку не топил. Только собирался, – ответил Тимофей Иванович, которому лезть гостя прошла босичком по сердцу.

– Жаль. Истопите, позовите. Очень хочется посмотреть, как работает. Договорились? А там что, комнатка? Не большая, но уютная, – с порога кухни гость обвел оценивающим взглядом убогую обстановку и обернулся к хозяину, скромно продолжавшему стоять на веранде у входа, – Хороший у вас домик, Тимофей Иванович. Оценивать его не пробовали?

– Нет. Не пробовал. Ни к чему было.

– Жаль, жаль... Могу предложить вам за него пять тысяч долларов. Как вам мое предложение? Согласитесь, цена более чем хорошая, – Александр Яковлевич выжидательно замер.

– Спасибо. Не продаю, – сухо ответил Тимофей Иванович.

– Что ж, не буду настаивать. Чайком с дороги не угостите?

– Печку не топил, – раздраженно ответил хозяин, – Греть не на чем.

– А газ, кончился? – указал гость на газовую плитку.

– Кончился, – тут же соврал Тимофей Иванович.

– Жаль. Очень жаль. Но ничего. Как печку истопите, обязательно позовите. У меня есть замечательный чай. Из Сингапура. Вы такой, уверяю, никогда не пили. Изумительный аромат. Сказочный. Ваш кипяток, моя заварка. Договорились? Очень хочется посмотреть, как это работает, – гость ткнул розовым пальчиком в железный бок водогрея, – Не прощаюсь. Еще увидимся, – подхватил зонтик и выскользнул на улицу.

Тимофей Иванович стоял и обалдело хлопал глазами.

«Не надо мне его чая. Свой не хуже. Хорош гусь...», – подумал он, сплюнул на пол и пошел заниматься своими делами. Завтра надо ехать, дочку встречать.

Однако ближе к полудню, как грибок из под дождя под своим черным зонтиком, новый сосед опять нарисовался на пороге.

– Чаек принес, как обещал, – слащаво улыбнулся пухлыми губками, – Печку еще не истопили?

– Нет. Закрутился совсем. Потом истоплю. Вечером, – соврал хозяин.

– Ну, ладно, ладно. Не буду отвлекать. Чаек возьмете? Попробуете, еще попросите. У меня много. Для вас отложу.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Тимофей Иванович и счел за благо принять дар. А то ведь не отвяжется.

– Так не забудьте про водогрей, – напомнил Александр Яковлевич, снова растворяясь в дожде.

Старик бросил преподнесенный пакетик на полку, налил себе своей настоящей крепкой заварки, выпил и решил ехать сегодня. Быстро собрался, закинул за плечи рюкзак, закрыл дом и пошел к станции.

Не успел он дойти до поворота на шоссе, как его догнал черный «Лэнд Крузер».

– В город собрались? – приветливо выглянул из окна сосед, – Могу подвезти.

– Нет. Спасибо. Не надо, – махнул рукой Тимофей Иванович, продолжая идти.

– Да вы не стесняйтесь. У меня машина широкая. Места много. Всем хватит. Доедем быстро. Мне все равно туда же, – настаивал Александр Яковлевич.

– Не надо. У меня еще дела в деревне. Езжайте. В другой раз, – снова соврал старик и свернул в сторону совхоза.

«Вот лист банный, – выругался про себя, когда машина с навязчивым соседом скрылась за поворотом. Постоял минут десять на дороге, развернулся и пошел к станции быстрым шагом. Только-только успел к электричке.

Вторая сотка

Дежурный по роте старший сержант Сергей Головин с наслаждением вдохнул запах свежeweымытой казармы. Он любил этот незамысловатый аромат настоящей жизни. Ему нравился стройный ряд заправленных коек, матовый блеск надраенных пряжек, глухой скрип армейских ботинок, грубая плотность пятнистого камуфляжа, покатаая упругость накачанных мускулов, пленительная тяжесть снаряженного магазина и холодная сталь отточенного ножа. Он уважал своего немногословного командира, впитавшего в себя гарь Афгана и Чечни, и презирал всякого призывника, насильно втиснутого в его узкий мир бездарными офицерами далекого военкомата. Особенно он не терпел пустозвонов и хохмачей, своими приколками плюющих в душу армейскому братству. Таких с первых же дней он ставил на рога, оттягивал через санчасть, доводил до ручки. К таким он относился без жалости. Они вторгались врагами в его маленькую мужскую жизнь. Их оскорбительные шутки выводили из себя и если бы ему дали приказ, он бы без содрогания вырезал бы их всех ножом, как баранов.

Но Миша Локин этого не знал. Он полагал, что в армии оказались такие же жертвы жизненных обстоятельств, как и он. Вся вина их заключалась в том, что им пришлось родиться на свет мальчиками, за что теперь приходилось отдавать дань бездушному государству двумя годами своей бесценной жизни. С детства он слыл пластичным и жизнерадостным, обладал хорошим голосом и слухом. Ему прочили поступление в театральное и блестящее актерское будущее, но правда жизни заключалась в том, что помимо способностей необходимо иметь связи. Без них надежда на успех – дело весьма сомнительное. Из двоих претендентов на одно место предпочтение всегда будет отдано тому, кто стоит ближе. Поэтому Миша оказался здесь во второй роте отдельного батальона внутренних войск, отвечающего за охрану стратегического объекта. Его обрядили в мешковатую форму, заковали в кирзовые колодки и выбросили в промозглую утреннюю хмарь на бетонный плац, выколачивать строевыми фигурами из мягкого тела человеческую индивидуальность.

Когда два новобранца осеннего призыва – Миша Локин и его собрат по несчастью азербайджанец Рашид Расумбеков – не чуя под собой ног, вошли в казарму скинуть тяжелые измотавшие душу шинели, старший сержант Головин как раз принимал работу дневального и собирался идти на кухню снимать пробу. Отдав короткое распоряжение относительно пыли на подоконниках, он резко развернулся на каблуках и его взор воткнулся в зияющую дорожку черных грязных следов на оттертом до блеска дощатом полу.

– Какая сука! – в сердцах воскликнул он и увидел двух новобранцев безмятежно вешавших на место свои длинные не по росту шинели, – Эй, салабоны, вы оба, ко мне!

Первая встреча со старшим сержантом не оставила в памяти Миши приятных воспоминаний. Они сблизились, как два полюса, моментально породив каскад ослепительных искр. Они словно встретили друг друга после долго блуждания в пелене прошлых жизней, и нечто существующее в подсознании на уроне запредельного информационного поля сразу опознало противника.

– Ты что, гад, охренел, да? – возмутился дневальный по роте ефрейтор Мухин.

– Извини, я не нарочно, – улыбнулся в ответ Миша, понимая, что и в самом деле несколько не хорошо получилось.

– Ни хрена себе, извини? – обалдел от такой наглости Мухин, и, глядя на Головина, добавил, – Он, что себе позволяет, в натуре, а?

– Ребята, я сказал, извини. Грязно на улице. Нам на занятия спешить надо. В другой раз я помою. Были бы тапочки, одел бы. Но тапочек, увы, нам не выдали. Тяжело нынче в армии с тапочками. Не на все хватает бюджетных ассигнований. Но реформа армии ширится. И скоро каждый солдат получит от Президента мягкие тапочки. И тогда наша армия, безусловно, обре-

тет человеческое лицо, – сдержанно пошутил Миша, искренне полагая, что на том инцидент вполне может быть исчерпан.

– В гробу тебе наденут тапочки, – сухо ответил Головин и одним коротким ударом отправил шутника под ближайшую койку, – Что стоишь, чурка? – взглянул на Рашида, – Швабру в зубы и драить до блеска. Бегом!.. Ну, ты, хлястик, – снова надвинулся на Локина, – Чего там возишься. Морду вылизывать потом будешь. Схватил ведро и бегом за водой. Выполнять!

После такого краткого, но емкого объяснения пререкаться смысла не имело. Легче исполнить.

Спустя полчаса, когда пол снова заблестал первозданной чистотой, каждый старатель получил свою порцию дополнительных затрещин – сначала от дежурного, потом от дневального ефрейтора Мухина, затем от командира отделения сержанта Скворцова, сурово отчитавшего за опоздание на учебу. Вынужденное перемывание пола в казарме, к удивлению Миши, не нашло в нем должного понимания. Зато самовольное оставление строя, грубое нарушения формы одежды, в совокупности со свинством, тупостью и разгильдяйством, свойственными всем новобранцам, подняли такую волну негодования, что под конец каждому выдали по три наряда вне очереди и по увесистому пенделю для ускорения выполнения команды командира. В результате пришлось снова бежать в казарму, разуваться, облачаться в зимнее обмундирование и затем потеть в нем до самого вечера.

На наглый Мишин вопрос можно ли не носить шинель в теплую погоду, обращенный в нарушение устава непосредственно к командиру взвода лейтенанту Голощекину, последовал весьма краткий ответ типа «солдат должен стойко сносить все тяготы службы», а также дополнительная трехкилометровая пробежка вокруг плаца с обязательным проползанием под трибуной, незамедлительно полученная от отца-командира сержанта Скворцова в воспитательно-разъяснительных целях и заменившая собой перерыв в занятиях.

После обеда снова прошли строевые занятия, как нельзя лучше выбивающие дурь из мягкого тела новобранца. Повороты, развороты, отработка строевого шага, подходы, отходы, движение в шеренге. И все это под солнцем, в жаркой шинели, с пудовыми сапогами. До самого ужина. Не смея возразить, ответить, отказаться. После этого чувствуешь себя совершенно опустошенным, выжатым, выпотрошенным. Глухой оболочкой, мешком с костями, куда хочется забросить теплой каши, растянуться на койке и уснуть.

* * *

Свой призыв в армию Миша воспринял как некую игру в патриотизм. Слишком много вокруг витало театрального, показного, высокопарно восторженного, одобрительного. Постепенно, по мере удаления от дома, оно растворялось, превращаясь в тускло зеленое, болотное, гнилое, равнодушно жестокое существование под стать цвету той формы, что теперь облачала его тощую фигуру.

С первых же минут пребывания в казарме Мише заявили, что он больше никто. Что он может забыть все, что осталось там, на гражданке, ибо ничего этого больше нет, а есть только сержант, и он теперь все: бог, царь и совесть. И не потому, что он выдающаяся личность по совокупности духовных и интеллектуальных качеств, а потому, что имеет «лычки» на погонах, которые салобон если когда и увидит, то «только в гробу, если не станет таким же, как он отличным солдатом».

– Для этого нужно не много, – пояснил сержант, – четко выполняй команды и не скули.

Но чтобы так жить, надо иметь такую же примитивную организацию души, обратиться волком, уподобиться животному образу жизни, принять «закон джунглей» за основу основ своего существования.

Подобная перемена образа жизни произвела в душе Миши великое потрясение. Все, чем обладал он, все, что возвращал в себе с такой любовью, здесь оказалось никчемным обременением. Все духовные ценности, все интеллектуальные обретения неожиданно превращались в пустой звук, в дурной дух, исторгаемый его чревом наштипованным перловой армейской кашей.

Жизнь раскололась. Прошлое кануло в перламутровую даль, раздавленное кирпичной стеной гарнизонной ограды.

Будущее разломилось на четыре длинных ломтя, обозначенные в календаре красной датой вожделенного «дембеля» и каждый из них предстояло прожить по своим правилам. Первые пол года он будет «духом» или «салабоном», самым бесправным и притесняемым человеком в части. Но после первого же дембеля поднимется на ступень выше и, как «молодой» обретет некое подобие человека. На смену ему с весенним призывом придут новые салаги или салабоны, и он сможет «учить» их по закону старшинства. Потом, еще через полгода он выситя до высот «черпака» и получит массу вольностей и привилегий. Затем, еще через полгода, получит, наконец, человеческое лицо, став «дедом» или «стариком», а после приказа – возвышенный статус «дембеля», полубога.

Пока же: подъем, построение, пробежка, построение, завтрак, построение, учение, построение, обед, построение, лопата, построение, ужин, построение, маршировка, построение, отбой и снова учение, но не воинское, а на послушание, самое унижительное, изматывающее, на само выживание. И так изо дня в день, за месяцем месяц. И никого не интересует что думает, как к этому относится и какое имеет настроение последний бесплотный дух – никчемный салабон. Он наглухо вбит в бездушную армейскую плоть и должен с твердостью шурупа принимать приказы и послушно вдавливаясь в строго заданном направлении. Иначе довлеющая над ним машина бездумно сорвет богом заданные пределы непротивления неизбежному злу.

Из различных источников Миша выяснил, что содержание службы заключается в том, что он один раз в трое суток будет заступать на пост и караулить шлагбаум, какую-нибудь металлическую дверь или участок ограды, с тем, чтобы своим мужественным телом и неусыпным оком поставить железный заслон на пути диверсантов и вражеских лазутчиков. Для этого ему выдадут автомат с боевыми патронами, зимой дубленку, а летом шинель. Спать ему предстоит не больше четырех часов в караулке, нужду справлять только после смены, питаться сухим пайком. Но главное он будет один на один со всеми врагами, и полагаться сможет только на себя. Ибо его пост и есть то самое вожделенное место, та дырка куда непременно будут стремиться пролезть вездесущие шпионы и коварные террористы. Распознать их не составляет особого труда. Каждый, кто не знает пароля или не имеет специального пропуска и есть то зловерное лицо, которое надлежит незамедлительно и беспощадно пристрелить прямо на месте.

– Рубеж нашей обороны проходит через вас, – говорил взводный. – Каждый часовой должен помнить, что он стоит один на свету. Он виден издалека. За спиной Москва. Впереди мрак и неизвестность. Спрятаться некуда.

В какой-то мере он походил на поэта караульной службы, только очень маленького, скукоженного и мрачного. Но зачастую говорил весьма образно, особо подчеркивая ежеминутную готовность каждого бойца принять бой, а если придется, то и героическую смерть.

– Вы должны понимать, – поднимал он вверх не по-военному длинный, тонкий, как у музыканта палец, – что если не вы стрельните, то вас стрельнут. Третьего не дано. Вот, в прошлом году, в Калининградской области убили часового, такого, как вы. Ему бы еще жить и жить. Он стоял на посту. Вышли из леса двое. Он их окрикнул, но не успел применить оружие. Они подошли и убили его. Зарезали финским ножом, как собаку. Забрали оружие, и ушли в лес, обратно. Так-то вот. Банда. И у нас, может быть, банда. Потому, как населению известно, что мы стоим и здесь охраняем. Поэтому, если мамки хотят увидеть вас живыми, то стреляйте

первыми. Потому как потом стрелнуть, может, и не сумеете. Или вот другой случай, с вашим товарищем – старшим сержантом Головиным. Стоял и он на посту. И тоже из леса вышел неизвестный. Так Головин не стал дожидаться, когда его убьют. Сперва окликнул, а не получив ответ, грамотно применил оружие. Сразил неизвестного. Потому как стоял на посту, и добросовестно нес караульную службу. За что был отмечен в приказе по части. И таких случаев я знаю много.

Если относиться к этим разговорам серьезно, то с ума можно сойти. Но в том, видимо, и заключается преимущество молодости, что она относится ко всему весьма легкомысленно. Слишком восприимчива в этот период душа к окружающей среде, слишком сильно физиологическое начало, что позволяет относительно легко ввергнуть неокрепшего юношу в бездну животных отношений, где принцип «убей первым» является основополагающим и определяющим законом жизни. Мускулистое тело жаждет испытаний, сознание, лишенное серой скуки школьных учений, требует остроты ощущений, новое взрослое общество обещает множество сильных впечатлений, независимо от последствий. Никто не думает о последствиях. Они будут там, где-то далеко, если вообще будут. Главное испытать эффект преодоления, выйти на грань, проскользнуть по струне над пропастью, пощекотать нервы смертью. Таинственная граница, разделяющая собой все, что есть от мрачной бездны ничто, позволяющая ощутить себя равным творцу жизни, сильнее любого магнита влечет к себе неокрепшие головы. И тот, кто прикоснулся к ней, кто переступил эту грань – становится в восторженных глазах молодости избранным, посвященным, мужественным. Авторитет смерти осеняет его, авторитет власти благословляет его, превращая из обыденного душегуба в призрачный кумир, во властителя слабых душ, воскуряющих фимиам на алтаре вечных страданий.

К числу таких авторитетов относился и старший сержант Головин. Ко дню зачисления Михаила в часть он являлся не просто старослужащим, но лицом, окутанным боевой славой. Темная история, имевшая с ним место осенью прошлого года, к этому времени обросла всевозможными домыслами и легендами. Впрочем, и он сам, и командование предпочитали поддерживать их, чем опровергать. Говорили даже, что он предотвратил крупный теракт, лично ликвидировал известного главаря боевой преступной организации, на которого безуспешно охотились спецслужбы различных стран на протяжении многих лет.

На самом деле никакого подрывника или террориста не было и в помине. Просто обыкновенный, грязный, заросший волосами бомж, к тому же тугой на ухо, промышлял сбором грибов в запретной зоне и случайно вышел на рассвете на его пост. Не то Головин сильно испугался темной, мешковатой фигуры, не то бомж не расслышал окрика часового, только случилось то, что случилось. После предупредительного выстрела в воздух, отмеченного в показаниях разводящего, последовала короткая автоматная очередь, прошившая нарушителя насквозь на расстоянии пятнадцати метров от поста.

За этот подвиг, после короткого расследования, Головину объявили благодарность, произвели в старшие сержанты и он, как человек по-настоящему нюхнувший пороха, из молодых тут же выпрыгнул в разряд старослужащих. Не по сроку службы, а по отношению к себе командиров и товарищей, безусловно признавших за ним ореол загубленной жизни.

* * *

Вечером, старший сержант Сергей Головин проводил традиционную теплую встречу стариков. В тихой каптерке, на мешках с чистым бельем, вокруг широкого стола сидели в полной мере обученные «защитники Отечества» и пили водку под разную снедь, принесенную из столовой услужливым черпаком ефрейтором Мухиным.

– Полгода бабу не видел. Бабу хочу... Хочу ..., как медведь бороться, – поделился тяготами своей службы прыщавый ефрейтор Ломтев, угловатый парень, несуразно сложенный

с излишне большой головой, покрытой не по уставу длинными редкими сальными волосами рыжеватого цвета.

– А почему непременно бабу? – поинтересовался сержант Рыльников, ширококостный, мордатый и покрасневшийся от водки, в полумраке каптерки как нельзя лучше отвечающий своей звучной фамилии.

– Сегодня две салаги казарму топтали. Один черненький, другой светленький. Оба хорошенькие. Хочешь, познакомлю. У одного попка очень аппетитная, – дружественно пошутил Головин.

– Одного он уже опробовал, – подначил Мухин.

– Все лишь видел, когда тот на карачках ползал, пол вылизывал, – смутился прачему-то Сергей.

– Ладно, ладно. Одного хуком отправил в нокдаун почище Тайсона, – добавил дневальный, – Смазал чисто просто песня.

– Ну, расскажи, – заинтриговался Рыльников.

Головин вкратце обрисовал ситуацию.

– Салабоны наглые пошли, – резюмировал Мухин, – Хавальник открывают только так. Их учить и учить надо.

– А что, это мысль. Давай поучим, – живо согласился Ломтев, – Чего еще делать? Кому сегодня в наряд?

– Никому, вроде, – ответил за всех Головин.

– Так в чем дело? Муха, зови. Учить будем.

Мишу били не долго, и не очень сильно, так, для разогрева. Пошло в зачет ранее полученное. Зато Рашиду досталось больше. Во-первых, он азербайджанец, иначе говоря – чурка, что само по себе равносильно смертельному приговору, во-вторых, имел маленький рост и рыхлую фигуру, что невольно провоцирует на беспредел, в-третьих, он стал стонать и скулить, чего мужественный человек, достойный уважения, позволить себе не может. В общем, Рашида сразу определили в разряд «торчков», иначе говоря, признали полным ничтожеством. А таких не жалеют и оттягиваются сполна.

Под конец «праздника» Мухин и Головин содрали с Рашида штаны и пьяный ефрейтор Ломтев «опустил» его по полной программе, предусмотрительно заткнув рот грязной наволочкой.

– А этого давай в рот возьмем, – предложил Рыльников, указывая на загнанного в угол Локина.

– Хорошая мысль, – согласился Головин.

– Только посмей. Каждого ночью прирежу, – неожиданно для себя твердо проговорил Михаил, ощупывая в кармане перочинный ножик швейцарского производства. К немалому его удивлению это произвело впечатление.

– Не много ли на себя берешь, хлястик? – сощурил глаз старший сержант.

– Может его, того, загасить? – Ломтев большой рыжей клешней сгреб Мишу за грудки и хрустнул занесенным над ним кулаком.

– А что, ничего, вроде того, смелый салабон, – оценил Рыльников, ощутив в этом напуганном шуплом пареньке некое родственное проявление, – Портянки мне стирать будешь?

– Портянки стирать буду, – процедил сквозь зубы Миша, чувствуя как холодеют от страха ноги, – А тронешь, убью.

– Смотри не обделайся, хлястик, – усмехнулся Головин.

– «Хлястик» – классная кликуха, – одобрительно хмыкнул Ломтев, отпуская салабона, – Будешь «Хлястиком». Понял?

– Понял, – облегченно вздохнул Михаил, чуть не падая на пол.

Каким-то неведомым образом до него вдруг дошло, что именно здесь решается его судьба, и все будет зависеть от того, насколько твердо он сможет себя поставить. Не завтра, не при других обстоятельствах, а именно сейчас. Они, эти обожравшиеся ублюдки, испытывают ту допустимую глубину возможного ущемления, какую он им сейчас предоставит. И если сейчас он спасует, как Рашид, то дальше всегда так и будет. Если не допустит, то убивать не станут. Не для того они собрались.

– Понял, так повтори, – Ломтев явно провоцировал, затеявая очередную игру с жертвой.

– Ну, «Хлястик». А почему так?

– Потому, что кончается на «у», – Ломтев заржал, довольный своей шуткой.

– Пусть буду я «Хлястик». Пусть буду стирать портянки, – медленно проговорил Миша, – Но кто меня тронет, тому не жить.

В тесной каптерке повисла душная пауза. Только зажатый между мешками Рашид тихо плакал, всхлипывая расквашенным носом.

– Ладно, иди стирай, – благодушно заявил Рыльников, стянул с ног пряные принадлежности и бросил их в лицо Мише, – Что б к утру были как новые.

– Скажешь кому... Сам знаешь, – пригрозил на прощанье Ломтев.

– Поиметь мы тебя всегда успеем, – напутствовал Головин, выпуская Михаила из каптерки, – И заberi своего хлюпика. А то он нам тут все белье промочит.

Михаил довел Рашида до туалета.

Оба подавленно молчали. Говорить не о чем. Приткнулись к стене возле длинного ряда раковин. Подкапывали краны. Рашид тихо плакал. Михаил, бросив вонючие портянки в мойку, скрипел от злости зубами. Из самых глубин его души, доселе огорошенной столь радикальными изменениями в жизни, стали медленно подниматься черные все разъедающие пары ненависти. Словно проснувшись в нем ранее неведомая первородная звериная сущность. Хрустнула когтистыми лапами, клацнула ощеренными клыками, сверкнула черными щелками безжалостных глаз и расколола окружающий мир на дичь и угрозу.

– Они просто звери, – произнес Михаил.

– Как я теперь буду жить? – всхлипнул Рашид.

– Чтобы здесь выжить надо стать зверем. Таким же, как они. Чем страшнее, тем лучше. Чтобы они сами боялись. Чтобы все боялись, – не то отвечая, не то продолжая свои размышления медленно проговорил Миша.

– Что я скажу братьям? У меня три брата. Все младше меня. Скоро им в армию. Как я посмотрю в глаза матери? Какой я теперь мужчина? Кто я теперь? Я опозорен. Мне нельзя больше жить. Весь род мой опозорен. Меня все презирать будут. Что я им скажу?

– Если они живут по звериным законам, то нельзя быть жертвой. Сгрызут. Поиграют и сгрызут. Сильнее не тот, кто больше. Сильнее тот, кто злее. А злее тот, кому терять нечего, кому наплевать на себя. Значит надо наплевать на себя. Тогда тебя бояться будут. Тогда жертвой станут другие. Ты больше не будешь жертвой. Ты станешь зверем. Сильным зверем. Страшным зверем, которого все станут бояться.

– Они звери. Они просто звери. Их надо резать, как шакалов. Я должен им отомстить. Я должен смыть свой позор кровью. Их кровью. Этих шакалов надо резать. Вех резать. Они не люди.

– Легко сказать стать зверем. А как им стать? У меня до сих пор колени дрожат. – признался Михаил, – Я в жизни ни разу ни с кем не дрался. Я даже не знаю, как это делать. Как можно, вот так запросто, подойти к человеку и ударить? Ни за что. Просто так. Ради потехи. Как они. Просто оттого, что нечего делать. Ударить и еще получить от этого удовольствие. Не знаю, смогу ли я так...

– Я ненавижу их. Я буду их резать. Как шакалов. Всех зарежу. Всех до одного. И первым убью этого рыжего. Этого, который... – на Рашида накатила очередная волна бессильной

ненависти. Он потряс в воздухе кулаками и уткнулся лицом в колени, вздрагивая от душивших его слез.

– Если хочешь, могу дать тебе нож, – предложил Михаил, – У меня есть нож. Небольшой, но если правильно применить, то достаточный. Лучше всего по горлу. Как барана. Скоро они уснут. Я знаю койку Ломтева. Я тебе покажу. Если ты хочешь.

– Да, мне нужен нож. Дай мне нож. Я должен убить эту собаку. Сегодня. Сейчас же. Я должен отомстить. Я должен смыть позор кровью. Я должен доказать, что я мужчина. У меня братья. Они не должны нести мой позор.

Михаил достал из кармана ножик с бордовой рукояткой и швейцарским красным крестом на белом щите.

– На, возьми. Острый. Горло перережет легко.

– Покажи мне его койку.

Рашид больше не всхлипывал. Глаза его стекленели. Словно сломалось у него внутри что-то, и одухотворяющая субстанция покинула рыхлое тело. Зажав в руке нож, он опал на холодную кафельную стену и окаменел. Только тихо шевелил губами, будто читая молитву. Михаил поймал себя на мысли, что он стал похож на притаившегося зверя.

В тихом коридоре загремели кирзовые сапоги, и послышался приглушенный смех. «Деды» шли отлить перед сном.

– Что салабоны, очухиваетесь? – осклабился Ломтев, – Ну, очухивайтесь, очухивайтесь.

Впереди служба длинная. Два года. Служить Родине надо хорошо.

– Портянки «дедам» стирать чисто, – добавил Рыльников.

– Страхивать концы, когда «деды» мочатся, – уточнил Головин.

– Ага, – согласился Рыльников, – чистыми руками.

– Тебе, козлу, руками, а мне пухлыми губами, – заржал Ломтев.

Так с шутками и прибаутками «деды» весело помочились и ушли спать.

Прошло что-то около часа.

– Думаю, он уже спит, – произнес Михаил.

– Пошли. Покажешь, – ответил Рашид.

Молча они шли вдоль стройного ряда коек. Все спали. Михаил похлопал рукой на спинке кровати и указал пальцем в сторону окна, мол, тут и, не останавливаясь, прошел дальше в темную глубину, где около самой стены остановился, скинул сапоги и быстро лег, практически не раздеваясь. Ему уже было все равно.

Рашид остановился. В руке нож. Он раскрыл его и стал медленно приближаться к изголовью. Казалось, минут пять он неподвижно простоял возле Ломтева, затем резко развернулся и стремительно выбежал из казармы.

* * *

Утром при построении обнаружили, что Рашид Расумбеков самовольно покинул расположение части.

На поиски беглеца снарядили команду. Лейтенант Голощекин, сержант Рыльников, ефрейтор Ломтев и еще двое проводников с овчарками. Михаил поймал себя на мысли, что немцы так же искали сбежавших из концлагеря военнопленных.

Искали Рашида недолго. Спустили по следу собак и под вечер вернулись, одни. Лейтенант Голощекин остался сопровождать раненого в больницу. К утру вернулся и он. Злой, бледный. Передал командование взводом Головину, заперся в штабе и практически сутки не появлялся.

Ломтев ходил гоголем и нахваливал своего Полкана.

– Мой зверь след взял сразу, как только мы тронулись, – рассказывал он собравшимся вокруг солдатам, развалившись на лавочке возле столовой и вальяжно затягиваясь сигаретой, –

От него так просто не удерешь. Я его год натаскивал. Как чурка ни петлял, Полкан держал след. Я еле успевал за ним. Остальные на хвосте болтались. Полдня бежали. Все лесом. Все глубже. Два раза трясина такая попалась едва не сдох. А Полкан след держит. Вперед тянет. Вот-вот чурку за зад схватит. Зверь, не собака. Умотал вусмерть. Вылетаем на пригорок. Гляжу чурка впереди задом вихляет. Стой, мать твою, кричу. Он оглянулся. Увидел меня, нож выхватил. Ну, умора. На нас с Полканом с перочинным ножом. Чурка, она и есть чурка. Мало того умотал за день, так еще крысится. Ну, думаю, если я тобой займусь, совсем тебе хана будет. Сразу убью.

– И что? – участливо поинтересовался кто-то.

– Что, что. Пожалел чурку. Полкана спустил. Пускай потренируется. Полкан его взял, как положено. Пошел на перехват, уложил на землю, взял за горло, держит. Сработал классически. Как по учебнику. Просто кино.

– А ты?

– А что я? Присел на камушек отдыхаю. Тут остальные подтянулись. Я Полкана отвел. Чурка еле дышит. Порвал его Полкан, слегка. Еле кровь остановили. Вызвали транспорт. Лейтенант в больницу поехал, а мы в часть. Задание выполнено. Вот так-то.

На следующий день стало известно, что рядовой Расумбеков скончался в больнице от большой потери крови.

По данному факту поставили в известность военную прокуратуру. Приехал следователь. На вид приветливый и добрый. Его голубые глаза светились пониманием и заботой. Новый китель сидел на нем словно влитой. Большая звезда на погонах парила над залитой солнцем гладкой столешницей. И вообще он явился такой весь уверенный, аккуратненький, чистенький, ласковый и сильный, что так и захотелось припасть к нему на грудь и выплакать из себя всю обиду, накопившуюся за последний месяц. Что Миша и сделал, не выдержав и излив все, что случилось со всеми подробностями и слезами.

Следователь показания записал, отечески пообещал оградить парня от любых неустановленных посягательств, грустно вздохнул и отпустил его служить дальше.

Естественно, ни одно слово, сказанное салабоном, не нашло своего подтверждения при опросе остальных сослуживцев. Наоборот, все дружно отметили, что последний призыв оказался крайне неудачен. Прибывшие по нему новобранцы слабо подготовлены к несению воинской службы. Что касается рядового Локина, то это вообще по натуре своей ленив и лжив, авторитетом у товарищей не пользуется. Постоянно стремится «закосить» занятия, не учит, как положено уставов, не вылезает из нарядов, и доверять ему оружие явно преждевременно.

Под конец дня сержант Рыльников прижал Мишу к глухой стенке в сортире и грозно посоветовал отказаться от своих показаний.

– Нам все равно ничего не будет, – добавил он, – А ты дерьма нахлебаешься по самое горло.

Но отказаться Миша уже не успел. Он поймал майора садящимся в машину, подбежал к нему и заявил с ходу, что все, что он показал, есть не правда.

– Пошел вон, салага, – сухо произнес следователь, хлопнул дверцей и уехал.

Действия ефрейтора Ломтева по задержанию вооруженного ножом дезертира признали правильными. Из постановления следователя следовало, что Рядовой Рашид Расумбеков получил травму в результате несчастного случая. Его смерть от большой потери крови наступила по причине отсутствия на месте задержания достаточного количества перевязочных материалов и позднего оказания квалифицированной врачебной помощи. В результате приказом по части действия лейтенанта Голощекина по оказанию раненому рядовому Расумбекову первой доврачебной помощи признали недостаточными, и ему объявили строгий выговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.